

Почти два месяца изнурительных гастролей перевернули жизнь группы с ног на голову. Сильнее всего изменился их внутренний стержень — то, как они себя держали.

Уезжая, они оставались наивными мечтателями — пускай ершистыми, бунтующими, но в глубине души безобидными, как домашние кролики. Однако к середине пути суровая реальность заставила этих «кроликов» оскалить зубы.

Самым запоминающимся уроком стала история о том, как у них зажали — вернее, нагло присвоили — честно заработанный гонорар. Хозяин одного захудалого паба пообещал им перед выступлением двадцать фунтов, посулив накинуть сверху, если публика заведется как надо.

Ребята выложились на полную: рубились на сцене с семи вечера до четырех утра, так что пьяная толпа расходилась в полном восторге. Но когда пришло время расплачиваться, трактирщик решил дать заднюю.

Вот только этот ублюдок напал не на тех. В их гастрольной банде было шестеро здоровых мужиков, и трусов среди них не водилось. Численное преимущество грело душу, так что ребята сразу вознамерились преподать наглецу короткий урок деловой этики.

Но загнанный в угол хозяин паба внезапно вытащил револьвер.

В комнатухе мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Что за нелепость! Каким же мелочным скрягой нужно быть, чтобы из-за паршивых двадцать фунтов хвататься за ствол?

Хозяин паба, нагло ухмыляясь, поудобнее перехватил рукоять и процедил:

— Платить я не стану. Вопросы есть?

Вспыльчивый Тео уже присел для броска, готовый наплевать на опасность, но тут вперед выскочил Джимми. Левой рукой он намертво обхватил Тео за пояс, правой преградил дорогу остальным и с поразительной легкостью пошел на попятную:

— И то верно, мистер! Не хотите — не надо. Ладно вам, парни, остыньте, мы уходим.

Мужчина презрительно хмыкнул, покачивая дулом.

— То-то же, недоумки. Выметайтесь отсюда!

Джимми в тот момент пожалел, что у него не восемь рук. Извиваясь ужом, он уволок

разъяренного брата, скрутил рвавшегося в бой Тео, удержал готового взорваться Ланса и, заклиная Болдуина с Дэвисом не тупить, буквально вытолкнул всех на улицу.

Даже когда Линд завел мотор и они отъехали от злосчастного места, в салоне продолжало искрить.

— И мы утремся? Просто утремся? — Ланс побледнел от злости.

— Ну ты и трус, Джимми! — свирепо сплюнул Тео. — Да эта гнида просто понтилась пукалкой, хрен бы он выстрелил! Разворачивай, Линд, мы вернемся и разукрасим ему рожу, даже без бабок!

— Ага, а если бы бабахнул? — примиряюще хмыкнул Джимми. Он достал из кармана помятую пачку и протянул каждому по сигарете. — У нас тур в самом разгаре. Если кого из вас зацепит, этот нищеланд нам до конца дней не расплатится. Нате лучше, затянитесь, остыньте.

Парни хмуро похватили сигареты, но злость никуда не делась.

Джимми попытался заболтать их, перескакивая с темы на тему и выдавая дурацкие шутки, но атмосфера в машине оставалась тяжелой. Спустя полчаса он начал канючить, чтобы Линд притормозил у обочины: мол, надо бы перекусить в дорогу, а то в животе урчит, да и сэндвичей хочется — сил нет.

Парней его болтовня откровенно бесила. Вдобавок в них все еще клокотала глупая обида. Им казалось, что Джимми повел себя малодушно, сдал назад при первой же угрозе. Настоящие мужчины так не поступают.

Поэтому его нытье демонстративно проигнорировали. Пожав плечами, Джимми молча выбрался из машины, стоило Линду неохотно остановиться у заправки.

И пропал.

Прошло пять минут, десять. Линд первым заерзал на водительском сиденье. Каким бы «трусом» ни был Джимми, он все-таки оставался его младшим братом. Вдруг этот придурок опять куда-то вляпался? Линд начал нервно выстукивать пальцами дробь по рулю, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Остальные тоже притихли, их злость быстро сменилась тревожной неопределенностью. Все начали хмуро всматриваться в темноту за окном.

Минуло около получаса. Когда нервы у всех уже были на пределе, из темноты выкатился потрепанный красный «шевроле». Машина лениво подползла к их фургону и принялась оглушительно сигналить.

Линд, не желая ввязываться в новые дорожные разборки, молча вильнул в сторону, уступая

дорогу. Но наглый «шевроле» пристроился следом и засигналил еще яростнее.

Терпение у музыкантов лопнуло. Что за день такой? Неужели они похожи на терпил, о которых каждый может вытереть ноги?

Линд с грохотом распахнул дверцу и выскочил наружу, сжимая кулаки. Парни в салоне рванулись следом, готовые к хорошей драке.

Однако дверца красного авто распахнулась, и перед ними предстал тот самый пропавший сэндвич-лорд. Встрепанная золотистая шевелюра так и вилась на ветру. Облокотившись на сверкающий красный борт, Джимми залихватски свистнул. В его зеленых глазах плясали чертики, а широкая улыбка обнажала два острых клыка.

— Мать твою женщина, Джимми! — Ланс так и прилип к стеклу, а потом принялся молотить по нему ладонью, потеряв дар речи. — Ты... да как ты, блядь...

— Какого черта? — вытаращился Линд. — Откуда тачка?

— Ну... угнал, — невозмутимо признался Джимми.

— Угнал? У кого?!

— Сам как думаешь? У одного жадного мудака, который зажал наши кровные двадцать фунтов.

— Твою мать! Как тебе это удалось?

— Ну, это долгая история... Скажем так, после того как я во сне десять лет крутил гайки в автосервисе, устройство этих жестянок для меня больше не секрет.

— Хорош заливать!

Джимми лишь хитро прищурился.

Конечно, дело это было грязное — противозаконное и глубоко аморальное. Но в тот момент каждому из них хотелось орать от восторга. Против лома нет приема, кроме другого лома. С ублюдками нужно воевать их же методами.

Ребята гурьбой высыпали на дорогу. Джимми тут же сжали в объятиях, взъерошили ему волосы, захлопали по плечам:

— Джимми, чертяка, ну ты даешь!

— Знал же, что этот мелкий гад что-то замышляет!

— И ведь даже не свистнул нам, партизан хренов!

— Сука, до чего же красиво! Так этому козлу и надо!

Отпраздновав победу, они дали по газам, пока не нагрязнули копы.

А чуть позже угнанный «шевроле» благополучно перекочевал к владельцу придорожной забегаловки. Хозяин заведения смотрел на них как на законченных кретинов, но сделку все же провернул — в обмен на ключи музыканты получили гору сэндвичей ровно на двадцать фунтов.

Ни пенни больше. Раз договаривались на двадцатку — значит, двадцатка. В глазах парней эта колымага стоила именно столько. Всё честно, без грабежа. Они просто забрали свое.

Этот случай незаметно изменил их всех. Ланс, Болдуин, Тео и Джимми больше не хотели притворяться приличными мальчиками, вежливо улыбаться организаторам и носить отглаженные костюмчики. Мир устроен просто: дашь слабину — тебя сожрут. Так что они решили примерить маски отморозков, к которым хрен подступишься.

Ланс окончательно превратился в высокомерного ледяного принца — на сцене на его лице теперь не играл ни один мускул. Болдуин забил на прическу и гигиену, став похожим на безумного отшельника. Тео круглосуточно набивал себе цену и забил правый рукав суровыми татуировками. Джимми изменился меньше всех: он всё так же обезоруживающе улыбался каждому встречному, вот только за этой улыбкой скрывалась стена, преодолеть которую не мог никто.

Понемногу они обрастали гастрольными замашками. Бесконечные гиги стерли рамки приличий: сцена превратилась в место, где можно было творить любое непотребство. Парни дымили прямо у микрофонов, глушили пиво из горла между песнями, а Джимми, если уставал орать, во время соляков Ланса просто усаживался на край сцены и травил анекдоты с фанатками из первого ряда.

Непрофессионально? Дико? Пожалуй. Но именно эта кабацкая искренность сводила публику с ума. Слушатели валили валом. С каждым новым городом армия фанатов росла, и вскоре за фургоном группы «Планета» потянулся шлейф преданных групи, кочевавших за кумирами из паба в паб.

Триумфальный въезд в Лондон должен был закрепить их успех. Дэвис расчехлил старые связи и выбил для группы жирный контракт в одном из модных столичных клубов. Но отыграть им не дали.

Прямо посреди чека в зал ввалился наряд бобби. Копы заявили, что получили наводку о

нахождении в питейном заведении несовершеннолетних. В итоге Джимми, которому до вожделенных восемнадцати оставалось всего три несчастных месяца, под белы ручки упекли в участок — разъяснять правила приличия.

Без фронтмена концерт накрылся медным тазом. Освободившееся время тут же прибрали к рукам конкуренты — банда под претенциозным названием «Клубника». Они выдали убойный сет, сорвали овации и прямо у барной стойки подписали контракт с подвернувшимся скаутом крупного лейбла.

Только тогда до парней дошло, откуда у копов выросли ноги.

— Ждете, что я начну посыпать голову пеплом и каяться, что подставил вас из-за возраста? — бушевал Джимми в гримерке, расхаживая перед Лансом, Болдуином и Тео. — Хрен вам! Никакой вины, стыда или жалости я не чувствую! Этот цирк меня только раззадорил. Единственное, чего я сейчас хочу — это засунуть холеные хари придурков из «Клубники» по самые уши в унитаз!

— Эй, не надо, засорится же, — вставил Линд. — Чем тебе наш домашний толчок не угодил?

— ...а потом скормить их дерьмовый хит тому слепошарому продюсеру, который их подписал! Ланс, ты ведь напишешь для меня песню? Назовем её «Гнилая клубника». Набросаешь текст?

Пока Болдуин, Тео, Дэвис и Линд переваривали эту тираду, Ланс молча вытащил из заднего кармана затрепанный блокнот, неторопливо перелистнул пару страниц и с довольной ухмылкой протянул его вокалисту:

— Держи. Уже готова. Не благодари.

<http://bllate.org/book/19389/1988341>